рые «омировым... словом и риторским разумом пригодне сложени, не варварски же, ни невежески, но грамотически уметельне сложена».¹

В своем послании Максиму Греку Ф. Карпов писал: «Философское писание учит, боле нас сам веси; не вся глаголют, творим, елико можем, ниже всему верим, елико слышим, ниже вся глаголем, елико познаем. Прочее же сам веси».² Нужно, следовательно, стремиться к знанию, приобретенному опытом. Для Карпова важно то, что «достойно есть естеству».³ Добытое знание Карпов стремился использовать для целей практических, в частности — как средство укрепления великокняжеской власти.

Федор Карпов, несомненно, увлекался астрологией. Он не прекратил изучения светил и после специального послания к нему Максима Грека, вынудив тем самым этого публициста написать ему новое увещание. Максим Грек советовал Карпову «не мудрствовать тако о поспешествах и утверждении царей, яко глаголати: не мощно кроме астрологии споспешествовати тем».⁴ Карпов, следовательно, стремился изучить астрологию, чтобы помочь укреплению самодержавия.

Сторонником самодержавной власти выступает Карпов и в своем послании митрополиту Даниилу. Время и обстоятельства появления этого послания до сих пор остаются неясными. Его издатель В. Г. Дружинин предполагал, что послание написано в связи с опалой Карпова и обращением к нему Даниила с советом смиренно сносить испытания.⁵ Этот же взгляд разделяли В. С. Иконников, В. Ф. Ржига и И. У. Будовниц. Е. Н. Кимеева справедливо заметила, что для предположения об опале, в которую якобы попал Карпов, никаких данных у нас нет. Вместе с тем сама Кимеева пошла по пути произвольных предположений. Она полагает, что Ф. Карпов был глубоко возмущен заточением Максима Грека и поэтому обратился к митрополиту Даниилу «за объяснениями, а, может быть, даже и просил его оказать снисхождение последнему». Митрополит якобы ответил Карпову посланием, в котором «обосновывал необходимость терпения и смирения в обществе, и это мнение переносил на Максима Грека. И вот после этого-то и появилось известное нам послание».

Е. Н. Кимеева датирует послание Карпова 1526 годом, т. е. временем, последовавшим за осуждением Максима Грека в 1525 году. Выступление Карпова против пороков, в том числе и разврата, она связывает с разводом Василия III и его новым браком (начало 1526 года).⁶ Каждое из перечисленных соображений представляет собою догадку, дающую «основание» для все новых домыслов. Никаких намеков на связь с делом Максима Грека в разбираемом послании нет.⁷ Безосновательно предположение о каком-то еще не дошедшем до нас письме Карпова митрополиту Даниилу, о связи послания с разводом Василия III и т. д.

¹ БЛ, Собр. Тихонравова, № 380, л. 124.

² В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 124.

³ Там же, стр. 106. Под «естеством» Карпов понимал природу. Так, человечество первоначально «во время естества» жило «под законом естественным» до того, как утвердился «закон Моисеев» (там же, стр. 110). «Естество человеческое» упоминает Карпов и ниже (там же, стр. 112).

⁴ Максим Грек, Сочинения, ч. I, стр. 357.

⁵ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 33.

⁶ Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 229—230.

⁷ Е. Н. Кимеева видит намек на это дело в рассуждениях Карпова «о царской милости» (ук. соч., стр. 230). Но о милости совсем не обязательно было говорить в связи с делом Максима Грека.